

Глава 14

Митрофан 1-й (Матвей Невский), 1890–1893

Тем же указом Святейшего Синода, которым был отправлен на покой епископ Василий, на Пензенскую кафедру был определен епископ Ладожский, второй викарий С.-Петербургской епархии Митрофан.

В ближайшем после его назначения номере “Пензенских епархиальных ведомостей” была напечатана краткая биография нового пензенского архиерея: “Преосвященный Митрофан, в мире Матвей Васильевич Невский, сын священника Орловской епархии, высшее образование получил в Киевской духовной академии, где окончил курс в 1861 году со степенью магистра богословия. По окончании курса в академии он назначен был преподавателем Воронежской семинарии по предметам логики, психологии и латинского языка. В 1863 году рукоположен во священника и определен законоучителем Николаевского женского училища, а в 1865 году законоучителем мужской гимназии. В декабре 1868 года педагогическим собранием Курской духовной семинарии он был выбран ректором этой семинарии, каковую должность исполнял до 1888 года, “трудясь над благоустройством вверенной ему семинарии настойчиво, с непреклонною твердостью и не щадя своих сил”. 7 января 1888 года протоиерей Невский принял монашество и был возведен в сан архимандрита, а 14 января того же года хиротонисован в сан епископа Ладожского, второго викария С.-Петербургской епархии”⁸².

26 августа епископ Митрофан прибыл в наш город и, как водится, сразу проехал в кафедральный собор, который был весь заполнен народом, пришедшим встретить своего архипастыря. Несмотря на усталость с дороги, Преосвященный после приветственного слова более часа благословлял всех находящихся в храме, а затем прослушал зауспокойную литию в церкви при усыпальнице святителя Иннокентия по захороненным в кафедральном соборе пензенским иерархам и ознакомился с нижней

соборной церковью. Затем в архиерейских покоях состоялось представление Владыке градского пензенского духовенства. На следующий день Преосвященный знакомился с педагогическим составом духовных учебных заведений г. Пензы, а 29 августа совершил в кафедральном соборе свою первую в нашем городе литургию. В последующие дни епископ Митрофан осматривал духовные учебные заведения: 4 сентября он посетил епархиальное женское училище, 6 сентября – Пензенское духовное училище, 7-го – Тихоновское духовное училище и, наконец, 11 сентября – духовную семинарию и образцовую при ней школу. Как бывшему ректору семинарии с двадцатилетним стажем, всего только два года как оставившему этот пост, последнее посещение было ему особенно интересным, тем более, что о Пензенской семинарии он уже слышал самые лестные отзывы. Можно себе представить, с какой радостью восприняло семинарское начальство и педагогический состав от такого строгого судьи оценку, что “в семинарии все найдено им в добром порядке”.⁸³

Уже первые дни пребывания епископа Митрофана в Пензе показали, что он не упускает ни одного случая обратиться к своим подопечным со словами наставления и назидания. Обладая прекрасным даром слова, он особое внимание в своих проповедях и обращениях направлял на религиозно-нравственную сторону – как основу духовного совершенствования человека. Воспитанницам епархиального училища, например, Владыка пожелал обрести идеальный образ женщины-христианки, истинным украшением которой является красота души, подчеркнув, что такие душевные качества, как смирение и добросердечие, обладают невиданной силой, способной покорить любую властную натуру. Семинаристов Преосвященный подвигал на углубленное изучение Слова Божия, не только дающего им практическое руководство в их будущей пастырской деятельности, но и являющегося источником формирования доброго христианского взгляда на мир и окружающих. К подобным наставлениям побуждал архиерей и священнослужителей, требуя прежде всего от них самих неукоснительного соблюдения заповедей Божиих.

В целях повышения нравственного состояния духовенства Преосвященный в 1891 году распорядился в каждом благочинническом округе из числа наиболее достойных священников завести особых следователей для рассмотрения дел о проступках духовных лиц, а в наиболее крупных округах – даже по два следователя с помощниками. Кроме того, в каждом округе предполагался духовник для членов причтов и их семейств, перед которым они не реже двух раз в году были обязаны очищать свою совесть на исповеди. Решительно боролся Владыка и с таким широко распространенным явлением, как частая смена мест службы. Уже вскоре после

Епископ Митрофан I (Невский)

своего прибытия в Пензу им было сделано распоряжение, запрещающее духовенству просить себе новые места без предварительной трехлетней отработки в назначенном для них приходе. Да и после этого на удовлетворение прошений о переводе в лучший приход могли рассчитывать лишь те, кто в прежних приходах проявил себя с самой положительной стороны. Тем самым Преосвященный Митрофан пытался заставить духовенство смотреть на приход “не как на переходные станции и до-ходные статьи, а как на жребий, даваемый Богом каждому пастырю для руководства пасомых и служения их духовному преуспеянию и спасению”.

Обратил свое внимание архипастырь и на то обстоятельство, что назначение на псаломщические места выпускников духовной семинарии для повышения престижа церковнослужителей не достигает в полной мере своей цели. Довольно часто бывшие семинаристы как кандидаты на скорое рукоположение во иереев, чье псаломщическое положение было временным и потому весьма условным, начинали вести себя неуважительно по отношению к настоятелям храмов, считая себя равными с ними. С другой стороны, как молодые люди они были подвержены склонностям к различным светским развлечениям, не подобающим их будущему духовному сану. Поэтому Преосвященный Митрофан посчитал за лучшее рукополагать выпускников духовной семинарии в диаконов, что налагало на них большую ответственность и давало необходимую подготовку к будущему иерейскому служению.

Возведение священно- и церковнослужителей в высшие степени Владыка поставил в строгую зависимость от их усердия и нравственного образа жизни. Проступки духовенства, порочащие высокое звание служителя Церкви Христовой, он не оставлял без внимания. Хотя, надо заметить, их было не так уж и много: за 1892 год случился всего 41 предосудительный поступок и упущение по должности, что составляло 2,1% от числа находящегося на действительной службе духовенства. Чтобы дать представление о тяжести содеянного ими и понесенном наказании, скажем, что наиболее вопиющим был отказ протоиерея заштатного города Шишкеева Ягодина напутствовать святыми тайнами больного, за что он был сослан на месяц в монастырь. Священники с. Симбухина Петр Никольский, с. Лопатина Феодор Фатигаров и с. Трофимовщины Николай Богословов за нетрезвость и другие проступки по службе были низведены на причетнические места, диаконы с. Языковой Пятины Яхонтов и соборных церквей г. Верхнего Ломова Аристидов и г. Саранска Дмитриев за пьянство посылались на исправление в монастырь, а диакон с. Кевды-Мельситовой Смирнов был уволен за штат.

В 1892 году в Пензенской епархии на действительной службе состояло 1902 лица, в том числе 22 протоиерея, 758 священников, 407 диаконов и 715 псаломщиков. Из них 9 человек было с академическим образованием. Полное семинарское образование имели 18 протоиереев, 671 священник (88,52 %), 21 диакон (5,16 %) и 30 псаломщиков (4,19 %). Особняком стоял рукоположенный в 1892 году во священника к единоверческой церкви с. Поима крестьянин из раскольников, хотя и получивший домашнее образование, но достаточно сведующий и в церковном уставе, и в Священном Писании, а главное, хорошо известный раскольникам. За штатом находились 1 протоиерей, 19 священников, 10 диаконов и 27 псаломщиков.

Многие священники заслужили признание своих прихожан безупречным многолетним исправлением своих пастырских обязанностей, а также одобрительным поведением в быту. В 1892 году с разрешения Преосвященного в знак любви и уважения были приподнесены на память иконы по случаю юбилеев следующим священникам: единоверческой церкви с. Александровки Нижнеломовского уезда Евфимию Фетисову, с. Свищевки Чембарского уезда Иоанну Теплову, с. Спасского Инсарского уезда Василию Покровскому, с. Никольской Пестровки Инсарского уезда Василию Алмазову и с. Малой Танеевки Саранского уезда Григорию Артоболовскому, – соответственно за 10-, 25-, 30-, 40- и 50-летнее служение в приходе. Стремление увековечить память о кафедральном протоиерее Стефане Масловском, умершем в 1891 году, выразилось в возбуждении некоторыми благочинническими округами вскоре после его кончины вопроса об учреждении стипендии его имени в Пензенской духовной семинарии.

По мере того как перед духовенством ставились все новые и новые задачи для достижения главной цели в их пастырской деятельности – научить народ истинам веры и христианского благочестия и расположить его к доброй и богоугодной жизни, священнослужители все чаще и чаще сталкивались с новыми примерами упадка религиозности и нравственности в народной среде. Казалось бы, какие издержки могли проявиться в ставших обязательными религиозно-нравственных чтениях, которые проводились священнослужителями не только в храмах, но и за оградой церкви – в школьных зданиях, церковных сторожках и даже в собственных домах? Ан, нет. Не успели священники привлечь для наглядности своих бесед последнее слово науки – так называемые “туманные картинки”, как оказалось, что они-то и таят в себе опасность нравственного разложения. Так, в с. Пестровке князем Оболенским в 1891 году было предоставлено специальное помещение для проведения религиозно-

нравственных чтений, которые неожиданно стали пользоваться большой популярностью среди фабрично-заводской молодежи обоего пола, работавшей на стекольном заводе. Как тут было не радоваться благочинному, увидя вспышку религиозности среди “передового” рабочего класса. Оказывается, все объяснялось гораздо проще: молодежь шла на чтения, как говорится, “не для Иисуса, а для искусства”, выбрав помещение с показом “туманных картинок” для своих свиданий, которые в самый кульминационный момент чтений тоже достигали наибольшего накала страстей. Пришлось благочинному уже в следующем году закрыть эти религиозно-нравственные чтения, неожиданно ставшие совсем не нравственными.

Другое проявление упадка религиозно-нравственного состояния народа усмотрели священнослужители, жившие многосемейным укладом, в ставших уже привычными для крестьян семейных разделах. Видя, как подрываются устои семьи в результате таких дележей имущества, священники могли лишь констатировать утрату со стороны молодых членов крестьянских семей почтения и уважения к своим родителям, нередко переходящую в многолетнюю вражду когда-то близких между собой людей. Но сделать здесь что-либо было уже невозможно: стремление вырваться из-под опеки старших и почувствовать себя полноправными хозяевами было настолько сильным, что процесс дробления крестьянских хозяйств с каждым годом только нарастал, подрывая крепость и родственных связей, и всей крестьянской общины в целом. И здесь свободолюбивые идеи сделали свое дело – духовная черствость, эгоизм, освобождение себя от чувства долга, незаметно переросшие в потребительское и даже паразитическое отношение к жизни, являются характерными чертами нашей эпохи.

Для борьбы с пьянством в приходах при епископе Митрофане стали учреждаться общества трезвости. В 1891 году они были открыты в Вышелеях, Макаровке, Калиновке, Чернышеве, Большой Ижморе, Поливанове и Салтыкове, в 1892 году к ним добавилось еще пять обществ – в с. Шигоне Инсарского уезда, с. Каменке Нижнеломовского уезда, с. Чиркове Городищенского уезда, с. Палаевке Инсарского уезда и с. Воронье Мокшанского уезда.

Со своей стороны, в ответ на экспансию греха Преосвященный Митрофан потребовал со стороны духовенства расширения просветительской деятельности, настаивая, чтобы каждый священник готовил проповеди и поучения собственного сочинения, для прочтения и оценки которых в каждом благочинии по распоряжению архиерея была введена должность цензора. В 1893 году было представлено на цензуру и произнесено 3970 проповедей.

10 октября 1892 года состоялось открытие преобразованного по новому уставу Иннокентиевского просветительного братства. Для увеличения числа членов и материальных средств общества было решено принимать в него и светских лиц. В результате в братстве вместо 112 членов, бывших в нем до 1892 года,

после реорганизации стало: 5 почетных членов – пензенский губернатор А. А. Горяинов, обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев, товарищ его В. К. Саблер, управляющий канцелярией Св. Синода С. В. Керский и тайный советник Ф. П. Неронов, 32 пожизненных и 310 действительных членов и 392 члена-соревнователя, причем более половины братчиков составили светские лица. Пожизненными членами, согласно новому уставу, являлись лица, пожертвовавшие от 100 рублей и выше, действительными членами – вносившие ежегодно не менее трех рублей и членами-соревнователями – те, взносы которых составляли меньшую сумму. Преосвященный Митрофан пожертвовал Иннокентиевскому братству целых 200 рублей.

Другим нововведением стало слияние Иннокентиевского братства с епархиальным училищным советом. Тем самым достигалось включение церковноприходских школ и школ грамоты в орбиту миссионерской деятельности, что давало возможность бороться с расколом, подрывая самые корни его путем воспитания раскольнических детей в духе Православия под особым контролем миссионеров.

Число школ, находящихся в ведении Церкви, постоянно увеличивалось: в 1891 году в епархии было 133 церковноприходские школы и 32 школы грамоты; в 1892 году – соответственно 150 и 48, в которых обучались 6431 мальчик и 953 девочки, то есть на 2018 человек больше, чем в предыдущем году, в том числе 198 детей раскольников; к началу 1893/4 учебного года церковноприходских школ стало 160, а школ грамоты 63 (для сравнения скажем, что в 1893 году земских школ в губернии было 388). Некоторые священнослужители не ограничивались обучением детей в школах. Так, например, священник с. Липлейки Мокшанского уезда Георгий Быстров со своей матушкой вели дополнительные занятия с детьми в зимнее время в церковной сторожке, а диакон с. Рязановки Инсарского уезда Лев Мизеровский с осени 1892 года из-за большого наплыва учащихся и тесноты в помещении школы отвел под занятия кухню в собственном доме.

В 1891 году Преосвященный Митрофан предложил для более успешного хода дел разделить противораскольническую борьбу на два направления – собственно против раскола и против сектантства (рационалистических и мистических сект), для чего вместо одной были учреждены две должности епархиальных миссионеров. Работу против раскольников возглавил священник Евфимий Фетисов, оставивший, однако, в 1892 году эту должность в связи с переходом в Астраханскую епархию, после чего она некоторое время была вакантной. Другим миссионером – против сектантства – стал преподаватель Пензенской семинарии по кафедре

истории и обличения раскола А. Орлов. Каждому из них полагалось в жалованье по 600 рублей с отдельной оплатой за счет братства прогонных денег на разъезды по селам, зараженным расколом и сектантством.

В 1891 году Пензенскую губернию постигло страшное бедствие – неурожай, последствия которого в полной мере сказались и на духовенстве. Крестьяне, вынужденные продать свой скот, чтобы купить хлеба, вскоре остались и без скота, и без хлеба, и без денег. Следующий год был не намного лучше прежнего, так что все надежды на новый урожай исчезли, и со всей неотвратимостью на жителей губернии надвинулся голод. Ни о какой плате за исправляемые духовенством требы не могло быть и речи, а казенного жалованья, получаемого причтами, хватало разве только на то, чтобы не умереть с голоду. В особенности это касалось низших членов духовенства, заштатных, вдов и сирот. Даже в одном из богатейших городов Пензенской епархии – Саранске при соборе за месяц было получено дохода всего 52 рубля, из которых на протоиереев приходилось по 8 рублей, а на псаломщиков – по 4 рубля. Особенно нищенское содержание получал причт в с. Буды Наровчатского уезда, состоявший из священника и псаломщика, где за год собиралось не более 80 рублей. Заштатное и сиротствующее духовенство существовало практически только за счет пособий, выдаваемых из окружных попечительств и общества взаимного вспомоществования духовенства. И хотя эти пособия были совсем небольшими, они смогли все же предотвратить неминуемую, может быть, гибель людей, не имевших никаких других средств к существованию, доказав тем самым и жизнеспособность и необходимость открытых в свое время благотворительных учреждений и обществ.

Для спасения населения от голодной смерти в каждом уезде губернии были созданы комитеты вспомоществования голодающим, занимающиеся распределением и раздачей хлеба, сбором пожертвований, открытием бесплатных столовых. В их состав в обязательном порядке входили и священнослужители. Священник с. Блиновки в своем приходе сам открыл столовую, которая действовала до июля 1892 года. Особенно большую помощь голодающим оказывал протоиерей Петропавловской церкви г. Пензы Феодор Быстров, который по поручению Преосвященного заведовал приемом пожертвований, поступавших из разных мест, а также занимался подготовкой и отправкой хлеба в уездные комитеты.

Не остались в стороне от народного бедствия и монастыри, также открывшие бесплатные столовые для окрестного населения и, кроме того, приютившие в своих стенах до нового урожая детей не только духовного, но и других сословий. В Пайгармском женском монастыре, например,

была устроена столовая, где ежедневно могли пообедать не менее 100 человек, а в помещении монастырской школы разместилось на жительство более 100 детей. Немалую пользу принесли средства, полученные монастырями по сборным книгам на храмы своих обитателей, которых в 1892 году оказалось 43 000 рублей. Эти деньги с разрешения Преосвященного были использованы заимообразно на покупку хлеба для обитателей монастырей – как самих монашествующих, так и тех, кто находился на их иждивении.

Казалось бы, страшный голод должен был отложить до лучших времен заботу прихожан о благоустройстве своих храмов, которая всегда являлась отличительной чертой населения Пензенской епархии. Но несмотря на тяжелое время, пожертвования на украшение и строительство храмов продолжали поступать. Это обстоятельство лишний раз перечеркивает все практические и рационалистические соображения, которыми пытаются обычно оперировать атеистически настроенные люди в своем стремлении просветить “глупых и темных”, по их разумению, верующих людей. Ну действительно, о каких жертвованиях на нужды храма можно говорить, когда нет возможности прокормить даже своих детей? Но в том-то и заключается сила веры во Всевышнего: не думай о завтрашнем дне, и Господь не оставит тебя; только упование на помощь Божию может помочь в тех случаях, когда нет уже никакой надежды на спасение.

В 1892 году на ремонт приходского храма в с. Юлово Городищенского уезда было собрано 2962 рубля, на сооружение храма в с. Шигонь Инсарского уезда пожертвовано свыше 13 000 рублей, на ремонт церкви с. Пичевки Чембарского уезда – 4000 рублей. Конечно, возможности людей состоятельных были гораздо большими, чем простых прихожан. Поистине неограниченную благотворительную помощь оказывал купец Шагаев, затративший 75 тысяч рублей только на строительство храма в с. Никольском Городищенского уезда, отличавшегося особым благолепием за счет купленных им в Москве икон и утвари. Кроме того, на его средства в том же селе были построены дома для причта и церковноприходской школы, стоившие 5000 рублей. Для обеспечения причту содержания благотворитель перечислил в госбанк 6000 рублей, а его супруга выделила 35 десятин земли стоимостью 3500 рублей. Не отстал от него и купец Ключин, пожертвовавший на сооружение храма в с. Ольшанке Керенского уезда 25 700 р., а также 105 десятин земли стоимостью 10 500 рублей на обеспечение причта, школы и богадельни.

Не зря говорят, что беда не приходит одна. Вслед за голодом на Пензенскую губернию обрушилось еще одно бедствие – холера, вызвавшая невообразимую панику. Дело еще более осложнялось тем, что бежавшие из Астрахани и Саратова в более северные губернии люди распусти-

ли слух о том, будто врачи специально травят народ разными ядами, в результате чего многие ополчились против врачей и стали отказываться от лекарств, способствуя тем самым дальнейшему распространению эпидемии. Духовенству пришлось успокаивать своих прихожан и убеждать их в том, что слухи эти совершенно беспочвенны и что нужно принимать все меры по предупреждению болезни. Церкви, таким образом, превратились в профилактические пункты по предотвращению эпидемии, где давались инструкции по борьбе с холерой, производилась дезинфекция населения, раздавались бесплатно лекарства, которые многие были согласны принимать лишь из рук священников. И конечно, духовенству приходилось заниматься и своими прямыми обязанностями: исповедовать и причащать прихожан, видевших в эпидемии гнев Божий за их маловерие и отступничество от налагаемых на них Православием обетов, соборовать умиравших и отпевать уже умерших от этой страшной болезни. То есть священно- и церковнослужители стояли на самом переднем рубеже обороны от надвигающейся на их приходы смерти, совершая тем самым христианский подвиг во имя спасения других, который превыше всего ценится и на Земле, и на Небе. И Господь вознаградил Своих служителей за их самоотверженность: из всего духовенства заразились и умерли от холеры лишь два священника.

Подъем религиозного чувства, который проявился во время двух этих общенародных бедствий – голода и холеры, можно выразить и с помощью цифр: в 1891 году свечной и кружечный доход всех церквей епархии составил 99 609 рублей, в следующем году – 110 тысяч, всего же пожертвований в 1892 году на церковные нужды деньгами и вещами было сделано на сумму свыше 210 тысяч рублей.⁸⁴

Тяжелое положение, в котором оказалось духовенство в трудные 1891 и 1892 годы, лишний раз напомнило правительству о необходимости увеличения жалованья причтам. 28 декабря 1892 года государь император Александр III соизволил назначить духовенству “воспособление”, которое в 1893 году начало поступать и в Пензенскую епархию. 14 марта 1893 года в Пензенском кафедральном соборе было совершено благодарственное Господу Богу молебствие по случаю этой Высочайшей милости, оказанной императором духовенству, которая восстанавливала введенный еще при Николае I и действующий до 1860 года порядок, когда духовенству к жалованью ежегодно ассигновывалась определенная сумма в качестве доплаты.⁸⁵

Однако быть свидетелем выполнения начертанных Александром III на всеподданнейшем благодарственном адресе Св. Синода слов “Буду вполне рад, когда Мне удастся обеспечить все сельское духовенство” Преосвященному Митрофану в Пензенской епархии не пришлось. 13 но-

ября 1893 года он был переведен на другую кафедру, став епископом Астраханским и Енотаевским, а в Пензу был перемещен его предшественник на Астраханской кафедре епископ Павел. Последнюю свою литургию в кафедральном соборе Владыка Митрофан совершил 28 ноября 1893 года. 1 декабря он прощался с воспитанниками и воспитанницами пензенских училищ, на следующий день отслужил панихиду на могиле святителя Иннокентия, а 3 декабря, в пятницу, после совершенного в крестовой церкви напутственного молебна под прощальный трезвон колоколов всех пензенских церквей Преосвященный Митрофан, сквозь живой коридор людской толпы, пришедшей проститься со своим архипастырем, проехал на железнодорожный вокзал. Ожидая своего поезда, Владыка, быть может, вспомнил, как два с лишним года назад, 2 августа 1891 года, и тоже в пятницу, он сидел в том же самом зале, но не по такому, как сейчас, грустному поводу, а с чувством радости от возможности лицезреть в своем городе Его Императорское Высочество государя наследника цесаревича Николая Александровича, бывшего в Пензе проездом по возвращении из девятимесячного круиза.⁸⁶ Тогда Преосвященный был в качестве встречающего, сейчас, увы, навсегда покидал Пензенскую епархию. Три года и три месяца всего пришлось ему в ней прослужить, но полученный здесь опыт самостоятельного управления во многом был использован на его последующем, хотя и недолгом, святительском пути: с 10 августа 1896 года Преосвященный Митрофан являлся епископом Орловским и Севским, а со 2 января 1899 года – епископом Смоленским и Дорогобужским, в какой должности и скончался 23 мая 1899 года.⁸⁷

